

© 2004 г.

Э.И. СКАКУНОВ

УРОКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ: ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД

СКАКУНОВ Эдуард Иванович - доктор юридических наук.

Модернизация, осуществленная северо-западной Европой в XVI-XX вв. - это, безусловно, одно из наиболее выдающихся событий мировой истории, позволившее этой группе продвинутых стран не только вступить в пост-современный период развития, но и приобщить к цивилизационному развитию практически всю Европу, Северную Америку, Австралию, Японию и Юго-Восточную Азию.

Россия, согласно И.А. Ильину, начинала свою историю в 800-1237 гг. сравнительно счастливой эпохой ранних государств (княжеств), когда борьба и труд, тяготы и процветание находились в состоянии определенного равновесия. Вторая эпоха началась в 1237 г. с неожиданного, почти катастрофического для России монгольского вторжения из Азии с внуком Чингисхана Батыем во главе и продолжалась до 1481 г. - как раз до времени начала в Северной Италии эпохи Возрождения. Третья эпоха русской истории (1481 по 1800 гг.) - время собирания единого Русского государства и борьбы за национальную самостоятельность и независимость [1, т. 6, ч. II, с. 470].

Если народные восстания и революция в Европе в это время были направлены на прекращение практики контроля церкви над человеком, обеспечивая этим его суверенитет над своей индивидуальностью, то большинство восстаний в России XVII-XVIII вв. были бунтом "черных людей" против "сильных", "простонародья против высших классов" или "за святую веру и друг за друга против князей, бояр, прибыльщиков и немцев", посредством которых традиционные народные массы России, по мере развития государственности, объективно вступали в конфликт с устанавливаемым государством правопорядком. Если к этому перечню добавить восстания башкир 1674—81, 1705-11, 1735 и 1754-55 гг., то понятно, что неравномерность цивилизационного развития становится основной причиной политической нестабильности, проявлявшейся в политическом насилии социо- и этно-культурно разнородных масс, типичных для имперской России.

Но бунт - беспорядок, временное бурное восстание - "не есть революция", - писал И.А. Ильин и продолжал, - "Революция ведет народ к участию в государственной власти; она создает по закону новый правовой строй и только в начале своем свергает старую власть. Революция есть борьба согласная, планомерная, организованная; она ведет к новому, справедливому устройству жизни, а не к разрушению и кровопролитию" [1, т. 9-10, с. 133-134].

По сути дела, бунт, используя известную "дилемму заключенного", означает, что народ, выполняя роль "заключенного" [2, с. 28-29], избирает так называемую голубую стратегию. Эта стратегия, обещая народу самый крупный выигрыш, оставляла государство в проигрыше, поскольку, утрачивая инициативу в выборе стратегии, оно могло претендовать только на ограниченный выигрыш, тогда как при опережении действий народа возможность государственного выигрыша увеличилась бы вдвое. Поэтому Петр реформировал, прежде всего, регулярный строй преобразованной армии и обеспечение ее содержания, совместив решение этих проблем с укреплением абсолютизма, что позволило России с 1721 г. на правах великой державы войти в состав международного сообщества, осознав к этому времени как бремя дряхлеющего соперничества с одними государствами, так и выгоды союзничества с другими.

Однако, не пройдя идеологической фазы модернизации, Россия так до сих пор и не сумела превратить свой народ в рационально мыслящих индивидов, способных предотвратить неумолимое движение к полному порабощению человека и неразвитости общественных институтов, а, миновав политическую модернизацию, осталась подчиненной анархической игре мировых сил, когда лишь политическое соперничество с разными по своей идеологии игроками составляло суть ее политики, оправдывая развитие имперской государственности и беспредельное наращивание военной мощи. Верховная власть в XVIII в. окончательно осознала себя как силу, независимую от общественных элементов, а общественные элементы за это время одной своей частью привыкли государственную власть мыслить только в этой независимой форме и всю свою психологию приспособили и принизили до такой государственности. Другой же своей частью они все больше и больше отчуждались от реального государства, ведя с ним постоянную скрытую, подпольную, а временами открытую революционную борьбу [3, с. 462-464].

Итогом стала, начиная с Екатерины II, "догоняющая" по отношению к Западу модель модернизации России, осуществляемая "сверху" и распространяемая лишь на "тонкий слой" общества, в то время как основная часть населения не только не втягивалась в реформаторский процесс, но даже превращалась в противников реформ [4, с. 35-38].

Эпоха с 1800 г., считал И.А. Ильин, охватывает время государственного строительства и культурного освоения природного и человеческого достояния, когда были использованы различные, порою - исключаящие друг друга, модели модернизации России [1, т. 6, ч. II, с. 470]. В то время, как Запад уже приступил к экономической модернизации, Россия после восстания декабристов 1825 г. стала ареной крестьянских бунтов, которые в 1827 и 1828 гг., охватив десять губерний, заставляли вспоминать о пугачевских временах. В 1830 г. бунты вспыхнули с новой силой; в 1831 г. холерные бунты захватили и городское население. Затем наступило относительное затишье, но уже в 1843 г. были официально зарегистрированы бунты в 11 губерниях, причем оренбургский и пермский были столь серьезны, что для усмирения оренбургского бунта потребовалось 10 000 солдат при 10 пушках. В 40-х гг. крестьянские бунты повторялись ежегодно, охватывая от 10 до 20 губерний. В 1851 г. бунты были уже в 22, а в 1853 г. - в 33 губерниях.

Все эти бунты и расширение империи за счет войн с Чечней 1834-50 и 1855-59 гг., а также подавления восстаний в Польше 1830 и 1863-64 гг., лишь дестабилизировали Россию, поскольку в российском обществе при крепостном праве использовалась наиболее неразвита форма состязательности и регулируемости политического участия народа - подавленная состязательность. При ней вне рамок существующего режима не допускалась никакая значительная оппозиционная деятельность, подтверждая, что революционизм, анархизм и деспотизм, эти три порыва в жизни общественных организмов, при всем внешнем несхождении внутренне между собою связаны и непосредственно порождают друг друга [5, с. 217]. Вот почему так важен и ныне вывод русского исследователя *К.Н. Леонтьева* (1831-1891), что выживание и прогресс России зависят от того, "сумеет ли мы постепенно образовать новые общественные прочные группы и расслоить общество на новые горизонтальные слои - или нет?" [6, с. 147].

При лишь вертикальных связях внутри отдельных групп политическая система России в 1878 г., по оценке американского социолога Т. Гурра [7], представляла собой *институализированную автократию*, основанную на практике игнорирования ограничений исполнительной власти, которая приобрела форму нелимитированных властей, когда ограничения на действия исполнительных властей часто игнорировались, изменялись или приостанавливались; законодательный орган, поскольку он отсутствовал, не мог инициировать законодательную инициативу или приостановить действия исполнительных властей; правление часто осуществлялось на основе декретов, принимаемых исполнительными властями.

В XIX в., по мере завершения Западом индустриализации, автократичность стран, подобных России, становится основным дестабилизирующим их и международное сообщество фактором, препятствующим, в частности, "*национализации*" российского народа, поскольку для образования и бытия нации решающее значение имеет та выражающаяся в национальном сознании объединяющая настроенность, которая создает из группы лиц одного происхождения, одной веры, одного языка и т.п. некое духовное единство [3, с. 474—477].

Россия, не пойдя в это время дальше идеологической модернизации, могла претендовать лишь на структурную стабильность, ставящую государство в прямую зависимость от своей способности к насилию и в обратную - от элитного насилия. Ее стабильность была гарантирована, если способность государственных органов к насилию преобладала над вероятностью насилия как элиты, так и массы населения.

Как пишет Тойнби об этом времени, на Западе сложилось впечатление, что Россия - агрессор. На взгляд же русских, все обстояло наоборот: они считали себя жертвой непрекращающейся-

ся агрессии Запада, и сторонний наблюдатель, если бы такой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII в. - лишь контрнаступление и что захват территории в ходе этих контрнаступлений менее характерен для отношений России с Западом, нежели потери с ее стороны до и после этих побед [8, с. 106-107].

Революция 1905 г. в России произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населения, а когда увидело, что смута выходит наружу, вздумало усилить свой престиж и свою силу "маленькой победоносной войной". Таким образом, правительство втянуло Россию в войну с Японией, для России позорную во всех отношениях. Режим, под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным - гнилым [9, т. 2, с. 559].

Однако, если под революцией разумеет ниспровержение народом того или иного государственного строя, то решающее значение в любой революции принадлежит психологии народных масс, чувствующих себя вершителями своей новой исторической судьбы. В революциях этого типа новый строй возникает для народа не как внешняя перемена к лучшему или худшему, как бы дарованная судьбой через посредство тех или иных отдельных лиц, а как некий творческий почин и действие, исходящие от всех и каждого [5, с. 210].

С этих позиций Манифест 17 октября 1905 г., установив фракционно-ограниченное политическое участие народа в деятельности государства, при котором политические общности более или менее регулярно колеблются между интенсивным фракционализмом и ограничением, позволяя одной из групп сохранять власть посредством ограничений политической деятельности ее оппонентов до тех пор, пока она не будет смещена ими, был, несомненно, попыткой перехода к политической модернизации России. Манифест позволял применить со временем в России используемый модернизирующимися странами Запада механизм динамической стабильности, который погашал идущие от отдельных групп противодействия посредством трансформации политической системы России в интересах общества. Однако первая мировая война расшатала все привычные навыки и формы русского сознания и русской государственности. Именно война сняла народ с его насиженных мест и сделала его более доступным революционным влияниям, главным же образом изменила традиционный дух и настроение армии [5, с. 230].

Статусные стремления России оставаться в ряду великих держав, возобладав над реальными интересами сохранения российской государственности, надорвали социально-политический механизм России, поскольку германская армия по уровню подготовки и организации превосходила в 1914 г. две любые европейские державы [10, с. 115]. Особенно изнуряющие бои 1915 г. с немцами, лучше других понимавшими значение в современном бою тяжелой артиллерии и пулеметов, а также важность железнодорожных коммуникаций, соединенные с их стремлением осуществить политику первоочередного разгрома России, сломили дух русской армии не только из-за отсутствия побед на Восточном фронте, но и ввиду растущего влияния Г. Распутина на царскую семью из-за болезни наследника.

Так и не приняв истинного пророка - Вл. Соловьева, Церковь, в силу роковой связи совершаемых ошибок, приняла вместо него пророка ложного, Г. Распутина. Личность Распутина глубоко символична как выражение извращения религиозного таланта русской души, в котором наиболее повинны именно носители религиозного сознания. Распутин был несомненно религиозный человек, понявший специфический талант русского религиозного сознания - жить внутренне праведно в оболочке греха. Но он не понял, что талант этот сохраняется лишь в непрестанном подвиге страдания, терпения и сознания своей греховности. Вина этого человека перед Россией заключалась, конечно, не в его личных грехах, а в том, что его цинично перешагивание через пределы религиозно, морально и общественно дозволенного получило общегосударственное и общецерковное значение и стало фокусом всей внутренней политики. После обличения этой политики извне и изнутри для нее уже прошли времена и сроки религиозной терпимости. И русская революция свершилась, как неожиданный Божий суд над ней [5, с. 235].

Однако февральская революция посягнула и на легитимность царя, сила которого в России всегда заключалась, по словам С.Ю. Витте, в своего рода таинстве - секрете, недоступном познанию людей, наследии - наследственности. В России считалось, что покуда она не найдет себе мирную пристань в мировой жизни, только наследственный царь, т.е. царь милостью божьей, может обеспечить России политическое равновесие [9, т. 2, с. 555]. П.Б. Струве полагал, что падение русской монархии в 1917 г. было следствием ее длительной опоры на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства - т.е. запоздания политической реформы в России, которая в интересах здорового национально-культурного развития страны должна была бы произойти не позже начала XIX в., освободив крестьян и восстановив

нормальное политическое и социальное развитие России. Крушение государственности и глубокое повреждение культуры, принесенные революцией, произошли, согласно Струве, не от того, что в стране было слишком много промышленного и вообще городского пролетариата, а от того, что русский крестьянин не стал собственником-буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий земледелец, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство [3, с. 465-466].

Непомерно затянувшиеся отмена крепостного права и наделение крестьянина землей привели к накоплению в народных массах значительного запаса анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов, которые, несмотря на сохранение в массах и сил патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления, начали процесс постепенного вытеснения в народе добра злом, света - тьмой под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции [11, с. 481—482]. Такая идеологическая направленность русской интеллигенции объясняется тем, что самодержавие, систематически отказывая ей во властном участии в деле построения и управления государством, создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушала великое и многосоставное государство [3, с. 462].

Перейдя после Февраля из оппозиции в органы власти, интеллигенция поняла, что все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых она воспитывалась сто лет, оказались ложными и губительными для народа. Напрасно интеллигенция пыталась уверять, будто она не отвечает за большевиков. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских политиков как марксистского, так и народнического толка [12, с. 362-363]. Такова одна из причин, утверждал С.Л. Франк, почему здоровый в основе реалистический инстинкт народа оторвался от духовного корня жизни и стал находить удовлетворение в неверии, в чисто отрицательной освобожденности, т.е. в разнузданности мысли и чувства [11, с. 499].

Государственный переворот октября 1917 г. нарушал все основные условия общественной жизни - собственность, функции управления, международные обязательства, суд, все основные права и свободы, выбивал из жизненного строя под злобной кличкой "буржуев" все неугодные классы и слои общества, останавливал жизненные функции государства. Октябрьский переворот произошел исключительно во имя материальных благ и интернационализма, вся суть которого в данный момент сводилась к освобождению от тяжелой войны [5, с. 239, 242].

Отчего идея классовой борьбы с такой легкостью завладела душой русского народа и опустошила русскую жизнь? Объясняется это некоторыми стародавними моральными пороками, гнездившимися в нашем народе, междуклассовым и междучеловеческим недоверием и недоброжелательством, часто разгоравшимся до ненависти. Революция порвала в русском народе старые связи, объединявшие людей, связи национальные, государственные и религиозные, и не создала вместо них никаких новых. Идея классовой борьбы в русской бытовой атмосфере оказалась силой только разлагающей и разрушительной, отнюдь не сплачивающей и не создающей. Интернационалистический социализм, опирающийся на идею классовой борьбы, привел к разрушению государства, к величайшему человеконенавистничеству, к отказу от всего, что поднимает отдельного человека над звериным образом [3, с. 473-474].

Начало классовой борьбы было воспринято народом, с одной стороны, чисто-психологически, как вражда к "буржуям", к "господам", к "интеллигенции", к "кадетам", "юнкерам", к дамам в "шляпах" и к т.п. категориям, не имеющим никакого производственно-экономического смысла; с другой стороны, оно, как директива социально-политических действий, было воспринято чисто погромно-механически, как лозунг истребления, зашуга и ограбления "буржуев". Поэтому организующее значение идеи классовой борьбы в русской революции было ничтожно; ее разрушительное значение было безмерно. Так две основные идеи новейшего социального движения, идея социализма и идея классовой борьбы - в русское развитие вошли не как организующие, созидательные силы строительства, а только как разлагающие, разрушительные силы ниспровержения [3, с. 468].

Воинствующий классовый интернационализм кровно связан с идеей классовой борьбы и с настроениями гражданской войны. Внешняя война объединяет людей, принадлежащих к одному и тому же народу. Гражданская война, являющаяся обостренным выражением классовой борьбы, их разъединяет. Внешняя война ограничена во времени, она должна так или иначе иметь окончание; гражданская война в той или иной форме мыслится как нечто постоянное, по крайней мере, длительное.

В условиях революции, считал А.С. Изгоев, социализм ошибался не только в своем отношении к высшим сторонам человеческой природы, к духовным стремлениям человека, но он не понимал и стимулов его материальной деятельности, на которой собирался строить свою общественную жизнь и все социальные связи. Социализм боролся с религией, национализмом, патриотизмом как явлениями реакционными, служащими препятствием на пути человечества ко всеобщему счастью. Но люди, которых социализм освободил от религии, оказались даже не людьми, а кровожадными, хищными зверями, опасными для всякого человеческого общежития. Лишенные связи с Богом, эти люди почувствовали себя покинутыми пловцами в безбрежном море, лишенными всякой опоры, обьятыми вечным страхом окончательной гибели. С крушением веры в Бога у массы людей порвались и всякие социальные связи с ближними, исчез неизбежный критерий отношения к ним, т.е. исчезла основа нравственности [12, с. 381].

Это произошло по той причине, что русский народ слишком сложен и взаимнопротиворечив по своему составу в смысле его идеологии и жизненных инстинктов [5, с. 224-225], часть народа, получавшая образование, немедленно этим самым воспринимала чуждое народу мирозерцание, отрывалась от народа, жила вне связи с русской историей [11, с. 480-481]. Оставшимся, по существу, не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий; им нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжестей войны. Поэтому классовая вражда и борьба партий гораздо более совпадает для него с чувством личной вражды и ненависти [5, с. 242, 216].

Русская революция оказалась, в итоге, национальным банкротством и поразительной катастрофой России, которая, в отличие от внутренних кризисов, пережитых другими народами, означала величайшее во всех отношениях падение русского народа, имевшее первостепенное значение для всего его будущего [3, с. 459]. Наряду с катастрофой первой мировой войны, выразившейся в 1 700 тыс. русских только убитыми из 12 млн. чел. общих потерь, включавшими, кроме погибших, пленных и пропавших без вести [13, с. 120], иностранная интервенция в гражданскую войну 1918-1920 гг., как и в 1598-1613 гг., породила наиболее трудные для России периоды внутренних "смут" - трагические периоды русской истории.

Эта ситуация позволила П. Сорокину предсказать, что XX век будет "наиболее кровавым и воюющим за все последние 25 столетий" [14]. 2-я Мировая война подтвердила эту оценку: Советский Союз, как будто, был готов подписать союзный договор с Англией и Францией, но, ссылаясь на угрозу антисоветского альянса всех капиталистических стран Европы, пошел в августе 1939 г. на двустороннее заключение договора о ненападении с Германией, сделав этим более вероятной войну между фашистскими и западными державами и, одновременно, обеспечив возврат утраченных после 1917 г. бывших российских владений (Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики). Лишь в случае с Финляндией (1939-40) произошла осечка, заставившая Гитлера усомниться в истинных намерениях СССР и обрекшая СССР на Великую Отечественную войну, к счастью, в коалиции с Западом.

Военные потери СССР во 2-й Мировой войне составили 7 000 000 человек (35% к вооруженным силам), более чем удваиваемые гражданскими потерями в 7 700 000 человек [13, с. 267]. По последним оценкам общие потери СССР во 2-й Мировой войне составили более 28 млн. человек.

Таким образом, как минимум, дважды в XX столетии Россия оказывалась на грани национальной катастрофы. Первый раз это произошло в 1914 г., когда в условиях продолжавшейся уже более 10-ти лет "смуты" интересы сохранения государственности были принесены, как оказалось несколько лет спустя, в жертву стремлению России остаться в ряду великих держав того времени. Во второй раз это случилось в 1939-1941 гг. после обессилевшего страну "политического террора", когда СССР, произведя территориальные приращения, создал реальную угрозу собственному самосохранению.

С этих позиций, события 1990-х гг., продолжая линию 1905-17 гг., предполагают преемство процессов и идей, развивавшихся в XIX в. и создавших основу для принципов 17 октября 1905 г. Новая эпоха, вернув Россию в ряды международного сообщества, отнюдь не гарантирует формирования человека, общества и государства, способных жить в условиях модернизации.

Из всего многообразия проблем, интересам модернизирующейся России сегодня соответствует практическое освоение *динамической модели* политической стабильности, опирающейся на: систему концентрации власти; политическую поддержку массами единой политической общности - нации; взаимодействие государства и общества путем отказа, с одной стороны, от автономного насилия в пользу создания специальной системы государственного принуждения, а с другой - от массового насилия в пользу формирования механизма политической оппозиции; наконец, постоянный механизм политического урегулирования внутренних конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. М., 1993.
2. *Nicholson M.* Formal Theories in International Relations. Cambridge, 1989.
3. *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991.
4. *Вартазарова Л.С.* Восхождение в XXI век (к вопросу о "новом социализме"). М., 1997.
5. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
6. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993.
7. *Gurr T.R., Jagers K., Moore W.H.* Polity II Codebook. Boulder (CO), 1989.
8. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
9. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М, 1960.
10. *Dunnigan J.F., Martel W.* How to Stop a War. The Lessons of Two Hundred Years of War and Peace. N. Y., 1987.
11. *Франк С.Д.* De profundis // Вехи. Из глубины. М., 1991.
12. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991.
13. *Грант Н.* Конфликты XX века. М, 1995.
14. *Sorokin P.A.* The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook. N. Y., 1957.